

Андрей БИТОВ: ЛЮДИ ВСЕГДА НУЖДАЮТСЯ В ЗАСТОЕ

Люди, кстати, во что-то превратились за последние 15 лет. Очень народ развился. А вот эшелон управления как был ужасен, так и остался ужасен.

— В качестве возражения вспомню французскую поговорку: «Каждый народ достоин своего правительства».

— Видите ли... Они же не дают вырасти людям! Вот поколение, не знавшее советской власти, — оно стало уже призывного возраста, да? И самое большое преступление власти перед собственным народом — это повергать именно это, не похожее на мозоль, первое поколение, ввергать его в ту же мясорубку: чеченскую и идеологическую.

— Ваш сын Ваня в нее, надеюсь, не попал?

— Нет-нет, он успел окончить вуз, родил сына, Василия Ивановича, между прочим, который уже встает.

Как-то я сыну говорю: не боись, что его засмеют в школе? Он мне возражает: «Забудут к тому времени!»

Никто, мол, к тому времени не будет знать, кто такой Василий Иванович Чапаев, который при поддержке Пелевина стал симпатичным персонажем.

— Давайте поговорим о вашем кровавом деле — о литературе. Вы упомянули Пелевина, он уже ходит в классиках...

— Пелевин завоевал это место, что мне про него говорить? Я, как чучка: писатель, а не читатель, и не любитель следить за литературным процессом.

Для меня текст по-прежнему отличается от текста не направлением, не поколением, а тем, сколько в нем, так скажу, вдохновения и души. А этот продукт всегда был очень редок. Для меня все эти критические спазмы по поводу литературного процесса просто являются дополнителем маразмом. Особенно когда там «разделяй и властвуй», какая-то группировка, кто-то себя насаждает, объявляет, спихивает — все это скучно.

По-моему, жизнь происходит в живых текстах, а точки, где эти тексты появляются, стали трудно проследить, потому что жизнь то там мелькнет, то там. По-моему, все-таки появляются замечательные книги, хотя

бы замечательно изданные, обязательно даже сейчас написанные, а, может, даже переведенные. Культурологические книги хорошие, справочные. Имена есть имена — я сейчас не сумею перечислить, кого-нибудь забудешь, обидишь.

Последнее явление было Шишкина с его «Измаилом», он получил Букера, вроде бы заслуженно. Я этот роман еще не осилил.

— Он молодой, этот Шишкин?

— Не очень. Кстати, особенной молодости я не вижу вообще. Какое-то все устаревшего качества, особенно наглядно это видно в постмодернистском разливе. Люди сами не видят, как сами от себя отстали, неаутентичны живой жизни.

Жизнь пока течет неописанной, между прочим. А это значит, что есть время, историческое время, которое сейчас происходит и проходит. Вот считать это отрицательным или положительным — не знаю. Конечно, люди всегда нуждаются в застою...

рая сейчас имеется в России, есть положительная сторона: это и есть течение времени, которого давным-давно не наблюдалось. Бывает руководимое, убитое время, да? Анархия, однако, учит людей. Но моя мечта о конституционной анархии повисла в воздухе. Анархия — налицо, а конституционности — нет. И попытка анархию проткнуть, закрепить какой-то властной вертикалью — нежелательна.

— Вы часто и подолгу бывали в Америке. Что вы думаете о нынешнем противоборстве наших стран?

— Америку я люблю, но, надо сказать, не люблю одну вещь: американское политическое самодовольство.

— А наш брат, эмигрант, тоже отличается этим самодовольством?

— Всегда радуюсь их успехам, потому что мне кажется, что эмигрант — это часть России. И превращение России из закрытой в открытую страну происходит благодаря им, и все это -

моя молитва о времени относится не только к нашим эшелонам власти, но и к мировому отношению к России.

— Последний вопрос, Андрей — извините, что он не оригинален: какие книги вышли, что пишете сейчас?

— Мне удался мой амбициозный план перехода из века в век, из тысячелетия в тысячелетие по собственной программе. К рубежу тысячелетий я добивался установки памятника Зайцу, пережившему Пушкину дорогу, когда он собрался ехать в Петербург — чтобы встать, как он говорил, в ряды мятежников. Заяц пережил саянскую дорогу, Пушкин вернулся — это известный факт. Памятник Зайцу в Пушкинских горах поставили, но книга, посвященная этому, выйдет только в мае, называется она «Вычитание Зайца».

5 января этого года удалось отметить в Сахаровском центре 50-летие со дня смерти Андрея Платонова. Мне это показалось очень знаково: он жил полвека, и полвека мы живем без него. Платонов мне кажется сокровенным писателем, который будет звучать в XXI веке.

У меня есть такое пристрастие: отмечать событие в должную дату. Платонов умер 5 января, и мне было важно, чтобы мы собрались 5 января, а не 4 го или 6-го.

— И все же — о книгах.

— Как всегда, у меня пять недописанных книг, и которую из них я дописываю, я не могу понять. В Англии, откуда я недавно вернулся, я целый месяц концентрировался и выбирал, какую из них допишу. А пока выбирал, начал писать новую книгу. Это будет последняя часть «Книги путешествий», но уже на заграничном опыте: как советский невыездной менталитет обмалывается в нем, этом опыте. Книжка практически сложилась, она будет идти по годам: пятнадцать лет — пятнадцать глав. Последняя глава будет называться «2001 год. Воспоминания о белом бычке». Она об Англии, но сквозь Россию — иначе я писать не умею.

Вот сейчас все носятся у нас с национальной идеей, а я говорю: дайте время, дайте людям пожить более-менее без руководства

Важно качество этого застоя. Застой должен возникать время от времени, но на лучшем уровне. Что - нет американского застоя? Застой есть всюду, он фиксируется на каком-то уровне, а у нас общество все еще варится, складывается, движется - так же, как и менталитет, который тоже варится, складывается, движется.

Моя молитва простая: Господи, дай нам время! Не для каких-то свершений, а чтобы меньше насиловали само время, жизнь: идеями, лозунгами, построениями, перспективами. Вот сейчас все носятся у нас с национальной идеей, а я говорю: дайте время, дайте людям пожить более-менее без руководства.

В принципе, у анархии, кото-

дело поколенческое, по диффузиям, по молекулам, по родственникам. Таскаем из России и в Россию не в чемоданах, а на подошвах: какой-то внутренний опыт, обучение. Но, признать, я не люблю откровенную радость некоторых эмигрантов: у вас, мол, там (в России) все плохо. Мне это не нравится, как человеку, не покинувшему пределы. И не нравятся именно это торжество, потому что оно мне кажется комплексом: человек до сих пор оправдывает свой отъезд. Это постсовковость такая, вошедшая в подсознание. Я, мол, сделал правильно: там такое говно — это довольно пошло.

Никто не хочет понять, что идет весьма серьезный процесс, надо дать ему пройти, поэтому

Провозглашенный живым классиком, Андрей Битов все же остается элитным писателем. Да, его «проходят» в университете, а теперь, может, и в школе. Но проза его, не говоря о публицистике, настолько перенасыщена мыслями, тончайшими психологическими наблюдениями, что читать ее нелегко — нужно делать над собой усилие. А массовый читатель, особенно русский, вопреки расхожему мнению, серьезной литературы не любит: подавай ему... Тут следует написать имя какого-нибудь детективщика, а еще удачнее - детективщицы. То есть писателя А. побить писателем Б. (Битовым - в нашем конкретном случае). Но делать этого я ни в коем случае не буду. Ибо Битов — абсолютная величина, если угодно — единица измерения таланта и нравственности писателя, как бит — единица измерения информации в виртуальном мире.

Владимир НУЗОВ

— Как бы вы, Андрей, сформулировали путь России в ближайшие, скажем, 10 лет?

— У меня есть только одна молитва, я всегда молюсь за тление времени, по возможности — бескровное. Потому что путь, на котором пока стоит наша страна, это путь разложения. А разложение — химический процесс, он длится определенное количество времени,

так же, как распад атома, который, наверное, ни ускорить, ни продлить.

Я молюсь за течение времени, которое потом оказывается историей. По возможности — бескровное, да? Потому что жизнь все-таки надиктовывает, несмотря на жуткое сопротивление именно этому диктату жизни. Для чего была нужна нам свобода и демократия? Чтобы жизнь что-то подсказала, да?